

Водитель ещё не приехал, и Цзи Цзывэй с Цинь Цзаям шли вперёд.

Какой-то ребёнок с чехлом от скрипки за спиной, судя по всему, ровесник Цинь Шухуаня, со всех ног нёсся мимо них.

— Современные дети и правда очень энергичные, в отличие от некоторых, кто даже в боулинг идти отказывается, — с намёком бросил Цзи Цзывэй.

— Цзи Цзывэй, посмотри, тот ребёнок случайно не Цинь Шухуань? — встревоженно послысся голос Цинь Цзая.

Проследив за направлением взгляда Цинь Цзая, Цзи Цзывэй даже не успел ответить, как тот уже со всех ног бросился в ту сторону.

Цзи Цзывэй никогда прежде не видел обычно столь сдержанного и невозмутимого Цинь Цзая настолько яростным. Даже видя лишь его спину, Цзи Цзывэй чувствовал, как в Цинь Цзая бушует пламя гнева.

Несколько детей вцепились в воротник Цинь Шухуаня, не давая ему встать — тот мог передвигаться только на коленях, неуклюже спотыкаясь.

Один за всех — сила велика, и Цинь Шухуань никак не мог вырваться, цепляясь за руки обидчиков и отчаянно сопротивляясь.

Глядя на старшеклассников перед собой, Цинь Шухуань смирился со своей участью: в худшем случае его просто избьют. Если бы у этих ублюдков хватило ума, они бы оттащили его туда, где нет людей, чтобы избиение прошло с глаз долой. Им-то не стыдно, а вот ему — очень.

С такими мыслями Цинь Шухуань решил драться с ними насмерть.

— Отпустите! — раздался яростный крик.

Старшеклассники посмотрели на человека, похожего на самого сатану, спускавшегося по лестнице. Их ноги словно вросли в землю, а сам он походил на вестника преисподней, несущего смертный приговор, и шаг за шагом приближался к ним.

Цинь Шухуань подумал, что у него слуховые галлюцинации: почему голос этого человека так похож на голос его старшего брата? От одной этой мысли ему стало страшнее, чем от предстоящей порки.

Следом за этим воротник ослаб, спина выпрямилась, и перед глазами сразу всё прояснилось. Первое, что он увидел в открывшемся обзоре, было лицо Цинь Цзая!

У Цинь Шухуаня окончательно подкосились ноги.

Цзи Цзывэй подоспел следом, и Цинь Цзай велел ему закрыть Цинь Шухуаню уши и глаза.

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем Цинь Шухуань из объятий Цзи Цзывэя перекочевал в объятия Цинь Цзая.

По дороге в больницу Цинь Цзай снова и снова поглаживал Цинь Шухуаня по спине, прижимая к себе так крепко, будто хотел растворить в собственных объятиях, и раз за разом целовал в макушку:

— Тан-тан не боится.

Почувствовав, как дрожит тело Цинь Цзая, Цинь Шухуань решил последовать его примеру:

— Тан-тан не боится, и братик пусть не боится.

В ответ последовало ещё более крепкое объятие.

С головы до ног Цинь Цзай осмотрел Цинь Шухуаня, бесчисленное количество раз убедившись, что у того действительно лишь немного содрана кожа на руках.

Вернувшись домой, они обнаружили, что Цинь Ли и Дин Инь неожиданно вернулись. Старушка Чэнь ещё не вернулась с юга, а связаться с Цинь Цзаем они не смогли, поэтому им оставалось лишь сидеть дома и ждать.

Увидев, что Цинь Цзай принёс Цинь Шухуаня на руках, Цинь Ли завёл разговор:

— Такой большой парень, а всё ещё позволяет себя носить. Мужчина должен ходить своими ногами.

Цинь Шухуань послушно заерзал, собираясь слезть.

Цинь Цзай бросил на Цинь Ли ледяной взгляд и, с каменным лицом унеся мальчика наверх, даже не поздоровался.

Отеческий авторитет оказался под угрозой, и Цинь Ли, почесав затылок, повернулся к Дин Инь:

— Нет, это что ещё за фокусы? Даже словечком не обмолвился.

Дин Инь же сохраняла невозмутимость:

— Да брось ты. Если бы не твоя фамилия, на тебя бы даже ледяного взгляда не потратили.

Цинь Цзай набрал ванну, неторопливо и бережно искупал Цинь Шухуаня, переодел в чистую одежду и спросил:

— Хочешь поесть внизу или в комнате?

— Внизу.

Цинь Цзай демонстративно проигнорировал Цинь Ли и Дин Инь, аккуратно усадив Цинь Шухуаня на стул так, будто обращался с хрупким бесценным сокровищем.

Не обращая внимания на взгляды остальных, он принялся сам кормить Цинь Шухуаня.

Оба переглянулись. Цинь Ли вернулся по делу, и как только Цинь Шухуань заснул, Цинь Цзай прошёл в кабинет.

— Я планирую перевести прописку Шухуаня на имя твоего дяди Хэ. Когда твой дядя Хэ вернётся, это станет нашим отчётом перед ним.

Свидетельство о рождении и удостоверение личности Цинь Шухуаня хранились у Цинь Цзая, и Цинь Ли приехал именно за документами мальчика.

Услышав, что Цинь Ли хочет переоформить прописку Цинь Шухуаня, Цинь Цзай покраснел от гнева:

— Об этом даже не думай.

— Этот ребёнок вообще-то принадлежит твоему дяде Хэ, — упрямо стоял на своём Цинь Ли, одержимый идеей всё вернуть.

Цинь Цзай окончательно взбесился, в упор уставившись на Цинь Ли покрасневшими глазами, и процедил по слогам:

— Никто и никогда не посмеет забрать у меня Цинь Шухуаня. Дядя Хэ пропал — это твоя вина, ко мне она не имеет никакого отношения. Он не товар, и то, что ты используешь его как средство искупления собственного чувства вины, само по себе несправедливо. К тому же с тех пор, как он попал в семью Цинь, ты о нём и дня не заботился, с какой стати тебе решать за него? Когда сегодня его окружили и обзывали ублюдком и подкидышем, где вы все были?!

Разговор ни к чему не приёл, и Цинь Ли с Дин Инь снова испарились. Стоило им уйти, как в доме семьи Цинь вновь воцарилась тишина.

Цинь Цзай тихонько прилёг рядом с Цинь Шухуанем, глядя на его безмятежное спящее лицо. Длинные ресницы отбрасывали тень, нежная и белокожая кожа выглядела мягкой и гладкой, а маленькая ручка крепко сжимала уголок одеяла.

Сердце Цинь Цзая разрывалось на части.

Его перепачканная пылью одежда вовсе не была результатом детских игр. Цинь Шухуань наверняка пережил не один такой день, и слова, слетавшие с уст тех старшеклассников, наверняка были в сотни раз обиднее, чем «подкидыш» или «ублюдок». Но Цинь Шухуань ни разу об этом не заикнулся, возвращаясь домой с жизнерадостным и послушным видом.

Осторожно взяв маленькую ручку Цинь Шухуаня, он поцеловал её. Красные царапины на коже казались незаживающими шрамами, режущими сердце Цинь Цзая.

На следующий день Цинь Ли и Дин Инь снова объявились дома: Цинь Ли увёл Цинь Цзая с собой, а старушка Чэнь спешно вернулась с юга.

Цинь Шухуань наивно наблюдал за происходящим, не понимая, что случилось. Он знал лишь одно: все те дни, пока Цинь Цзай отсутствовал, старушка Чэнь с тревожным ожиданием смотрела на входную дверь, и в её глазах читались беспокойство и надежда.

Домашний телефон звонил без умолку: то Дин Инь кому-то звонила, то кто-то звонил ей.

Всем было не до него, и лишь домработница исправно заботилась о нём день за днём. Он попытался позвонить брату по умным часам, но тот не взял трубку.

Постель, на которой он засыпал каждую ночь, опустела. Цинь Шухуань лежал на кровати, не плача и не устраивая истерик, и молча ждал возвращения брата.

Лишь много лет спустя в один из дней я узнал, что брат собственными руками переломал кости кистей тем старшеклассникам. Те пришли донимать брата, и дядя Цинь очень разозлился. Я не знаю, заставлял ли дядя Цинь брата извиняться перед теми людьми, и понятия не имею, через что пришлось пройти брату в те дни, когда он исчезал, ведь он сам никогда мне об этом не рассказывал.

Цинь Шухуань сменил курсы писательского мастерства — новое место занятий Цинь Цзай тщательно выбирал сам, заодно записав его на секцию тхэквондо.

Для Цинь Шухуаня не было ничего лучше: мало того, что старшеклассники больше не докучали, так ещё и место учёбы стало гораздо лучше. Единственным незначительным

минусом было то, что его брат стал излишне болтливым.

— Тан-тан, сбоку в рюкзаке вода. За первый урок выпей половину, а когда вернёшься, допей всё до конца, я проверю. После занятий брат будет ждать тебя у входа, никуда не уходи, сразу выходи наружу, — словно какой-то монах Тан, поучал Цинь Шухуань прямо на ухо мальчику.

Старушка Чэнь смотрела на них сочувственным взглядом. Цинь Шухуань, только что вернувшийся с дневных школьных занятий, сидел за столом, послушно попивая молоко и закусывая печеньем. Рядом сидел Цинь Цзай, одновременно наставляя его и собирая вещи для занятий по писательскому мастерству. Оба сидели спиной к старушке Чэнь, но даже по затылку Цинь Шухуаня было видно, как он устал от этого; что же до Цинь Цзая, то и смотреть не стоило — даже мелькнувшего в профиль лица было достаточно, чтобы ощутить эту назойливость.

Щёлк — этот драгоценный кадр запечатлелся на снимке. Старушка Чэнь осталась весьма довольна и сохранила фото в специальный альбом, посвящённый им двоим.

Наступили зимние каникулы, и по всей школе витала атмосфера предпраздничного веселья.

Сюй Цзяинь протянул Цинь Шухуаню пригласительный билет:

— Сердечно приглашаю тебя на выступление моей первой группы.

Цинь Шухуань держал изящно оформленное приглашение, на котором даже печать была вручную оттиснута штемпельной краской. Ему ужасно хотелось пойти, но Цинь Цзай недавно уехал в зимний лагерь, и нужно было вовремя созваниваться с ним по видеосвязи.

Заметив колебания Цинь Шухуаня, Сюй Цзяинь поддал жару, пустив в ход искушение:

— Приходи же! Лу Цзюань тоже будет. К тому же больше никого чужого, это же дебютное выступление моей группы, ты просто обязан прийти!

— Это... мне нужно вечером спросить брата, — Цинь Шухуань не мог принять решение сам. — Как спрошу, сразу дам тебе ответ.

Как только наступило время вечернего звонка, Цинь Шухуань тут же набрал брата, и на том конце вызова ответили мгновенно.

У Цинь Цзая стоял день, а у Цинь Шухуаня — вечер. Глядя на то, как искупавшийся и ещё дымящийся капельками влаги Цинь Шухуань послушно лежит на кровати, Цинь Цзай почувствовал, как его взгляд невольно смягчился.

— Когда мажешься молочком для тела, не забывай вытираться насухо, иначе у тебя снова начнётся экзема.

— Я знаю, братик.

Цинь Шухуань подпер щёку рукой и придвинулся ближе к экрану — кругленький, белоснежный и нежный, до чего же красивый.

Сегодня у Цинь Шухуаня было на удивление много терпения: на всё, что говорил Цинь Цзай, он послушно кивал, не выказывая раздражения, и демонстрировал ангельский характер.

Время их разговора подходило к концу. Цинь Шухуань подбирал слова и крайне нерешительно заговорил:

— Братик, на следующей неделе у Сюй Цзяиня вечеринка, он меня пригласил.

Не успел Цинь Шухуань договорить, как брови Цинь Цзая уже нахмурились:

— Нельзя. Вот вернусь, устрою тебе свою собственную, можешь позвать всех своих друзей.

— Братик, я хочу пойти, — мягко протянул Цинь Шухуань, вложив в голос максимум кокетства.

— Никаких обсуждений, Тан-тан. Сиди дома смирно, брат вернётся и привезёт тебе подарок.

Кто-то за кадром поторопил Цинь Цзая. Твои поцелуи через экран, и звонок оборвался.

<http://bllate.org/book/21844/2264885>